

Сейчас, когда подведены итоги Всероссийского поэтического конкурса имени Гавриила Каменева «Хижицы»¹, самое время ещё раз вспомнить о нём, талантливом поэте, прозаике, переводчике конца XVIII – начала XIX века. Тем более, уже через полгода будем отмечать 245-летие со дня рождения первого романтика России. Но до сих пор нет даже мемориальной таблички на одном из его домов – а Каменев всю свою жизнь прожил в Казани и немало сделал для города (будучи в 1790-е бургомистром Казанского магистрата), но ещё больше для литературы, обогатив жанр кладбищенской элегии, создав великолепную балладу «Громвал» по мотивам казанской легенды о крылатом змее Зиланте, оставив после себя превосходные переводы немецких поэтов и письма к друзьям – талантливейшие образцы эпистолярия. Нет и полного собрания произведений Каменева, а отдельные сочинения прошлых лет стали библиографической редкостью. И если издание в прошлом году казанской инициативной группой презентационного сборника «Гавриил Каменев. Избранное» хоть немного сдвинуло чашу весов в пользу увековечивания памяти Гавриила Петровича, то идея с возведением ротонды или установкой каменной глыбы в Сосновой роще Кизической слободы, где поэт находил вдохновение и был упокоен, до сих пор не нашла отклика в сердцах нынешних градоначальников – дескать, дорого везти камень из Карелии. Отчаявшись надеяться, та же инициативная группа возложила в Сосновой роще символический камень в день рождения поэта в марте 2016-го. А ещё провела вечера, посвященные памяти и творчеству Гавриила Каменева, в доме-музее Аксёнова и в Центральной библиотеке в литкафе «Калитка».

Третий год проект по увековечиванию памяти Гавриила Каменева возглавляет Эдуард Учаров – поэт, эссеист, культуртрегер, ныне руководитель казанского литературного кафе «Калитка». Помимо Эдуарда в инициативную группу вошли Е. И. Карташёва, краевед, заместитель директора Государственного музея-заповедника «Остров-град Свияжск»; А. Н. Пашкуров, профессор кафедры русской литературы и методики преподавания КФУ, доктор филологических наук; Инесса Фахрутдинова, общественный деятель, доцент кафедры теории и истории архитектуры КГАСУ, а также автор этих строк Галина Булатова, поэт, переводчик, редактор-составитель литературных изданий.

Книга «Гавриил Каменев. Избранное» издана на коллективные средства крошечным тиражом в двух вариантах: классическом – в типографии «Плутон», и с использованием ручного труда и крафт-бумаги в «Издательстве Вадима Гершанова». Весь

¹ Об итогах конкурса читайте на стр. 31

тираж разошёлся (раздарился) практически моментально — осталось всего несколько экземпляров на призы победителям конкурса «Хижицы», объявленного в марте 2017-го Центральной библиотекой Казани (директор ЦБС Р.Н. Исмагилова) под кураторством Эдуарда Учарова и с солидным составом жюри.

Немного биографических фактов. Гавриил Петрович Каменев родился, как явствует запись из метрической книги Покровской церкви города Казани, 9 (20) марта 1773 года. Эта дата была обнаружена совсем недавно в Национальном архиве республики Татарстан, а до его времени во многих биографических справочниках и словарях в качестве даты рождения ошибочно фигурирует 3 (14) февраля 1772 года.

Два века назад Каменевым, чей богатый купеческий род ведётся от татарского мурзы Макула, принадлежали несколько домов в центре города, в частности, на улицах Воскресенская, Черноозёрская, Покровская. Отец поэта, Пётр Григорьевич, был купцом первой гильдии, казанским городским головой, президентом губернского магистрата, мать Татьяна Ивановна — дочь купца-старообрядца. Гавриил Петрович, рано потерявший родителей, воспитывался вместе с дворянскими детьми в лучшем казанском частном пансионе М. Вюльфинга. Там он изучал русскую и западноевропейскую литературу, немецкий язык, а позднее, самостоятельно, — французский. В это же время увлёкся сочинительством и переводами. В его «послужном списке» как переводчика — Клейст, Козегартен, Геснер.

В 1802 году Каменева — единственного непетербуржца — приняли в действительные члены петербургского Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Поездки в Москву и Санкт-Петербург позволили поэту иметь знакомство и вести беседы с такими знаменитостями как Н. М. Карамзин, М. М. Херасков, И. И. Дмитриев. А ближайшим другом поэта стал чиновник и литератор Савва Андреевич Москотильников.

В юности поэт пережил любовную драму, влюбившись в дочь казанского врача-немца, позднее был несчастливо женат на красавице-дворянке Марии Подладчиковой, но двух дочерей, рождённых в этом браке, очень любил и заботился о них.

Каменевская звёздочка просияла на небосклоне всего 30 лет: поэт скончался 26 июля (7 августа) 1803 года, причиной смерти в метрической записи Воздвиженской церкви указана чахотка. Каменев был похоронен рядом с отцом на кладбище Кизического монастыря, где любил гулять и размышлять и где, как уже говорилось выше, находил вдохновение. Роцца-кладбище Кизического монастыря как место действия и литературный образ присутствует в его произведениях и письмах, здесь было написано его последнее стихотворение, найденное после смерти в кармане сюртука: «Вечер 14 июня 1801 года», или «Хижицы».

30 лет спустя Пушкин скажет: «Этот человек достоин был уважения: он первый в России осмелился отступить от классицизма. Мы, русские романтики, должны принести должную дань его памяти...»

Галина БУЛАТОВА

МЕЧТА

Доколе тусклыми лучами
Нас будешь ты венчать, мечта?
Доколе мы, гордясь венцами,
Не узрим — что есть суета?
Что всё влекут часы крылаты
На мощных — к вечности — хребтах;
Что горды, сильные Атланты
Вмиг с треском раздробятся в прах.

Где дерзкие теперь Япеты,
Олимпа буйные враги?
Гром грянул — все без душ простерты!
Лишь не успеем мы ноги
Взнести на твёрдые ступени —
Скользим — повержены судьбой!
Мы жадно ищем вверх степени,
Взойдём — но ах! конец какой?

«Какой? — Вельможа так вещает. —
Я буду знаменит, велик!
Таких вселенна примечает, —
Веселья, хоры, радость, крик
Со мною будут непрестанно;
Чтить станет, обожать народ;
Моё из злата изваянно
Лицо пребудет в род и род!»

Изрёк... и смерть тут улыбнулась,
Облокотившись на косу;
Коса на выю вдруг пригнулась —
Погиб надменный в том часу.
Исчезла с ним его и слава —
Осталась глыба лишь земли.
Мечта! мечта! сердец отрава!
Исполнена одной ты тли!

Очаровать воображенье,
Вскормить надежду, возгордить,
Представить грёзы, самомнение,
Рассыпав маки — сны родить...
Вот милые твои законы!
По коим слабый человек,
Без умной шедши обороны,
Блуждает, колесит весь век.

Давно ль на лоне я спокойства
Утехи кроткие вкушал?
И слёзы бисерны довольства
Я с другом нежным проливал?
Настроив голос, сладку лиру,
Бренчал я на золотых струнах.
Доволен, весел, пел я миру
Весну моих дней во псалмах.

Завыли бурны аквилоны —
И вздрогнул бранный мой состав.
В груди сперлися тяжки стоны;
Зла фурия, на сердце пав,
Терзала, жалила, язвила;
Пропало здравие! — болезнь
Свой бледный, страшный лик явила.
Осталась бытия — лишь тень!
Как ветер ревет в полях пространных
Между серебристым ковылём;
Как вихрь в реках золотопесчаных
Крутит, мешая воду с дном;
Как буйны, мощны ураганы

Всё ломают, низвергают, прут —
Так нас болезни, страхи, раны
Колеблют, рушат и мятут.

Под розово-сапфирным небом,
При блеске огненных лучей,
Возжжённых светозарным Фебом,
Гуляя я с милою моею.
Вдали от нас ключи шумели,
Бия каскадами с холмов;
С журчащей песнью вверх летели
Со зланных жавронки лугов.

Обняв грудь розово-лилейную,
Садился с нею на траву;
От восхищенья изумленну
На груди преклонял главу.
Тут с жарким поцелуем Маша,
Взяв арфу томную свою,
Играла песнь: «О милый Саша!»
Бывало, с ней и я пою!

По струнам персты пробежали,
Ах, долго ль, долго ль для тебя?
Часы, минуты пролетали
В восторге долго ль, вне себя?
На струны канула слезинка
И издала унылый звон.
Сверкнула майская росинка!
Исчезло всё — как сон!

Почто, Атропа, перервала
Ты жизни тихой нить ея?
Почто ты, не созрев, увялая,
О роза милая моя?
Услышав жалобы с презреньем
Пан в роще стон и голос мой,
Схвативши арфу, с сожаленьем
Попрал мохнатую ногой.

Так, стало, всё мечта на свете?
Мечта в уме, в очах, в любви?
При всяком — счастье — лишь обете
Несыто плавает в крови!
Сулит нам <...> златотканы,
Богаты теремы, чины
Велики, знамениты, славны —
Потом карает без вины.

Сулит нам долгу жизнь, веселья,
Но вдруг накинёт чёрный флёр.
Рассыпятся состава звенья —
Останется единый сор!
Трещат и мира исполины
Судьбы под сильною пятой;
Падут — се горсть презренной глины
Из тел, напыщенных собой.

Едина правда, добродетель
Не будет век не суета!
Прямой кто всем друг, благодетель,
Того есть цель — уж не мечта,
Того дела живут в преданьях,
По смерти самой — не умрут.
Дни, тёкшие в благих деяньях,
Ему бессмертье принесут.

1796

СТАРИК

За горы солнце закатилось,
Долины облеклися в мрак,
Едва лишь только небо рдилось,
Пурпуровый являя зрак.
Там влажные пары струились
По разноцветным гор верхам;
Туманы белы там сребрились,
Клубясь по бархатным лугам.
Глубока тишина настала
В кудрявых рощах и в полях;
Забава шумна умолкала
Увеселять игрой в селах.
Луна янтарный луч пустила
Из синих яхонтных небес
И слабым светом осветила
Там хижинку среди древес,
На праге коея сидели
Сын в тишине с отцом своим,
На звёзды, на луну смотрели
И мирно занимались сим.
Вдруг старец горькими слезами
Молчанье мёртвое прервал,
С прискорбием сплеснув руками,
«Великий боже!..» — он вскричал,
«О чем ты плачешь, мой родитель?» —
Спросил тут юноша, стена.
«Я зрю — небесная обитель

В объятия зовёт меня.
Ах, сын мой нежный, сын любезный!
Уж скоро кончится мой век.
Так! скоро ты, несчастный, бедный,
Лишишься и отца...» — он рек.
И слёзы частые ручьями
Из томных потекли очей.
«Я беден был всегда, и нами
Гнушалось счастье в жизни сей.
С каким мученьем умираю,
Тебе что, мой любезный сын,
Наследства мало оставляю!
Но сим богат хоть будь один:
Люби сердечно добродетель
И ближнего, как сам себя;
Будь и врагам ты благодетель —
То бог помилует тебя,
Бог сделает счастливым верно».
Лишь только он ему сказал,
В последний раз обнявши нежно.
Как вдруг весь побледнел — упал.
Сын добрый всё исполнил точно,
Отец что добрый говорил:
Провёл жизнь тихо, беспорочно,
До самой смерти счастлив был.

1796

ПЕСНЯ

При утренней прохладе
Уж веют ветерки,
И пастушков к отраде
Струятся ручейки.

Долины зеленеют
Пушистой муравой,
Стада овец пестреют
У речки под горой.

Из рощи в слух несётся
Свист громкий соловья,
Звучит и раздаётся,
Восторгом дух поя.

Играют, веселятся,
Все нежатся в любви,
В объятия стремятся
К пастушкам пастухи.

Приход весны румяной
Всё движет, всё живит,
Моей души печальной
Отрада лишь бежит...

О, Хля! ты причиной,
Что я тоску терплю,
Брожу с душой унылой,
Поля слезой кроплю.

Природа потеряла
Всю прелесть для меня,
И жизнь несносна стала
Лишённому тебя.

Прохладны ветерочки
Палят лишь пуще кровь,
Лазоревы цветочки
Не расцветают вновь.

Уныло речка плещет
В тенистых берегах;
Луч солнца тускло блещет,
Резвясь в её струях.

Поёт весну и радость
Счастливый соловей,
А я — печальну младость,
Тоску души моей!

1802

ВЕЧЕР 14 ИЮНЯ 1801 ГОДА (ХИЖИЦЫ)

Вчера с друзьями я ходил
В тени сосновой тёмной рощи,
Прохладной ожидая ночи,
Там с ними время проводил.
Природа сумраком оделась, —
Угрюмо на закате рделась
Тускло-червлёная заря.

Туман спустился на луга,
Зефир заснул, древа молчали,
Нахмурясь, небо покрывали
Черногустые облака.
Луна из-за горы лесистой
Явила нам сквозь воздух мгlistый
Бледно-багровое чело.

Явила — и печальный свет
По роще тихой разливался,
В тоску и мрачность облекался,
Казалось, каждый там предмет.
Уныние в признаках чёрных
На нас, безмолвных, утомлённых,
Простёрло свой свинцовый жезл.

Отрада удалилась прочь,
Моё тут сердце приуныло,
Забивши тише, говорило:
«В твоей душе темно, как ночь!
Надежды тусклый луч затмился,
Оставлен всем — всего лишился,
И цель твоя — одна лишь смерть».

В глазах, где жизни огонь погас,
Слезу мне горесть наверху;
При сумраке она блеснула
Печально в сей прискорбный час.
«Друзья! — сказал я. — Я несчастен,
Мой жребий беден и ужасен,
Страданье — жизнь, темница — свет.

На всё гляжу сквозь чёрный флёр,
Нигде, ни в чём красот не вижу,
В весёлых кликах стоны слышу,
При солнце мрачность кроет взор.
Вино мне в яд преобразилось, —
Восторгов сердце тех лишилось,
Что чувства нежат и томят.

Я вздохом начинаю день,
Смущённы взоры вкруг вращаю,
Ищу отрад — тоску встречаю,
Печаль следит за мной, как тень.
Исчезла радость, наслажденье,
Прошли забавы, и мученье
Рукой железной сердце жмёт.

Влачится в скуке жизнь моя,
Лишась подруги кроткой, милой,
В сей жизни горестной, унылой
Томятся сердце и душа.
Но скоро я глаза закрою
И смерти хладною косою
В могилу тёмную сойду.

Тогда как солнце, скрывшись в Понт,
Оставит в тучах свод лазурный,
Померкнет свет серебристый, лунный,
Туман задёрнет горизонт,
Как ночь разверзет мрачны недры
И заревут, завоют ветры, —
Друзья! придите вы сюда.

Придите! Древних сосн в тенях
Надгробный камень там белеет,
Под ним — ваш друг несчастный тлеет,
Слезой его почтите прах,
Почувствуйте в душе унылой,
Как над безмолвною могилой
Во мраке ночи воет ветер».